

— Верю в человека

На скромном и скорбном обелиске, каким нет числа на земле нашей, поставленном на одной из братских могил под Кировоградом, в длинном списке погибших есть и такая строчка: «В. БЫКОВ». Солдата Великой Отечественной спесчастливый случай: тяжелораненый, он выполз из хаты, которую через минуту проутюжили прорвавшиеся фашистские танки. В полку его и посчитали погибшим.

Удача? Везение? Случай, который нередко вносит свои коррективы в, казалось бы, неизбежное? Что ж, если и случай, то один из тех, имя которому — судьба. Замечательно мысль эту вырезил писатель Чингиз Айтматов: «Я не могу делаться от мысли, что судьба сберегла нам Василя Быкова, чтобы он, пройдя горнило войны, выстрадав сполна горькое лихолетье партизанской Белоруссии, сказал бы в послевоенной литературе свое сокровенное, неповторимое, преисполненное беспощадной правды и сыновней боли слово от имени тех, тогдашних восемнадцатилетних солдат, коим выпало, пожелай, самое трудное — трагическая и героическая доля». Василь Быков был одним из первых, кто поставил во главу угла своих военных произведений прежде всего характер «рядового великой битвы» — так он сам назвал героя, находящегося в центре его внимания.

Командир орудия Желтых («Третья ракета»), лейтенант Ивановский («Дожить до рассвета»), пехотинец Иван Терешка («Альпийская баллада»), Сот-

ников («Сотников»), простая белорусская крестьянка Степанида («Знак беды») — это люди, отличающиеся не привычными внешними атрибутами воинской доблести, но непоколебимые в своих представлениях о том, что хорошо и что дурно, справедливо и несправедливо, осознающие свою ответственность перед Родиной и перед близкими.

В эти везенные дни народный писатель Белоруссии, Герой Социалистического Труда Василь Владимирович Быков был гостем Ленинграда. В театре драмы и комедии, где вот уже второй год с успехом идет спектакль по его повести «Знак беды», главный режиссер театра народный артист РСФСР Я. С. Хамармер, художественный совет знакомился с новой повестью писателя «Карьер» (она будет опубликована в ближайших номерах журнала «Дружба народов»).

лей-фронтовиков вам наиболее близко?

— Очень ценю талант ленинградца Даниила Гранина, дорожу его дружбой.

— Вы уже встречались?

— Нет, еще не звонил. Он сейчас работает, а я по себе знаю, как нехотати бывают звонки и гости, когда работаешь. Но перед отъездом позовно обязательно. Гранин — человек, тонко чувствующий жизнь, видящий ее во всех сложностях настоящего и прошлого. Он воевал в танковых войсках, а я хорошо знаю, что такое быть танкистом, гореть в танке.

— Какие качества, на ваш взгляд, являются первостепенными для писательского труда?

— Кроме таланта — абсолютная честность! Перед собой и правой жизни. Жизнь сложна и часто толкает писателя на разные синопсичные несообразности. Поэтому — мудрость. И еще писателю должна быть присуща твердость характера, которая не позволяет отступиться от истины.

— Истина... А что это для художника?

— Как эстетическая категория для меня это жизнь во всем ее многообразии, во всей ее диалектической сложности. Но писатель берет что-то, что считает главным, и выискивает это главное из жизненного многообразия — искусство. Мы говорим: правда времени. Понять вроде легко, но для литератора эту ясность надо претворить в образ, что требует проникновения в частности, подробности, которые как раз даются особенно трудно. Это всегда редкость. Главная сложность именно в освоении полноты правды жизни. Выдумка, ложь, формальные ухищрения даются легче, чем вроде бы элементарная, как говорили раньше, «сермяжная», правда. Диалектика в том, что художник одновре-

менно — бесстрастный летописец и личность, субъективно жизнь интерпретирующая.

— А как рондалась повесть «Знак беды», выдвинутая сейчас на соискание Ленинской премии, — замечательное по силе трагической правды произведение? Герои его пришли к людям со страниц повести, затем с театральных подмостков, скоро о них расскажет и кино...

— Здесь реальных прототипов нет. Но я хорошо помню 30-е годы белорусской деревни и годы войны... Главное было — найти характеры. И полной мужества Степаниды, и мягкого, слабого Петрова. Как же так получилось, что мужчина и женщина вроде бы поменялись местами? Вся новейшая история очень круто расправляется с мужиками. В этом виноваты война и прочие социальные катаклизмы. Боюсь, что XXI век принесет еще большее количество петроков. А женщина в силу своей родовой предназначенности сопротивляется возрастающим нагрузкам, сохраняет самобытность.

— Василь Владимирович! Чем бы вы все-таки написали, если бы обратились к дням сегодняшним?

— Я когда-то хотел написать повесть, теперь уж, наверно, не соберусь, поэтому расскажу — какую. Я хотел написать о том, как легко что-то утверждать и проповедовать и как трудно этой проповеди самому следовать в жизни. Наибольшая сложность для любого пророка — жить по законам своей проповеди. Это был вопрос и для Христа, и для Льва Толстого... Например, такой сюжет: учитель в школе внушает замечательные истины, воспитывает детей добрыми, самоотверженными. Среди этих детей — его сын. И в какой-то решительный момент он поступает, как его учили, — по совести. И погибает. Тут можно предположить разные обстоятельства. Но главное — что чувствует отец. Это вопрос неразрывности слова и дела: чтобы они не противоречили друг другу, требуются тяжелейшие, но необходимые усилия. Это — проблема важнейшая. Но об этом уже, наверно, не напишу. Моя тема — война. Я там лучше понимаю.

— Все меньше остается людей, для которых Великая Отечественная — фант биографии. Значит, ваши книги — для тех, кто войну не пережил. Что прежде всего вы хотите сказать новому, послевоенному поколению?

— Кто-то из философов сказал: главный урок истории в том, что люди не извлекают из нее никаких уроков. Каждое новое поколение обжигается на собственном горьком опыте, порой трагическом. С этим все-таки сегодня не хочется соглашаться. Во второй мировой войне погибло 20 миллионов советских людей, 60 миллионов во всем мире. Очень дорогой урок. Но в следующей войне учиться будет некому — погибнут все. Это жестоко, страшно, но это правда. В знании истории, в знании страшной правды — спасение. Раньше каждая страна падалась победить, сейчас мы знаем: победа невозможна. Важно понять это и остановиться. Идея мира должна овладеть человечеством. Как этого достичь? Это ведь почти чудо... И дело писателя — бить в свои колокола, проповедовать свою веру. И верить в чудо. Чудо человека.

Вел беседу
С. ШУБ

— Творчество наших писате-